

ДЕЛО И. РОДИОНОВА И И. РОЗОВСКОГО 1879–1880 гг. В СВЕТЕ ИЗУЧЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ТЕРРОРИЗМА В РОССИИ В 1870–1880-х гг.

Детально исследуется дело И. Родионова и И. Розовского 1879–1880 гг., остающегося малоизученным и недостаточно освещенным в научной литературе. Материалы дела ценны тем, что содержат в себе комплекс информации по актуальным вопросам изучения революционного терроризма в России 1870–1880-х гг. На основе этой информации можно рассмотреть часть общего процесса эволюции идейных основ революционного терроризма в России, а также выявить, как он воспринимался политической элитой страны, что позволяет оценить воздействие терроризма на самодержавие.

Ключевые слова: революционное движение; народничество; революционный терроризм; судебные процессы над революционерами; Народная воля; И.И. Розовский; И.В. Родионов.

При изучении истории такого явления, как терроризм, особенно актуальными для современных исследователей становятся вопросы его идейно-психологической составляющей в целом. Имея в поле зрения обширное количество трудов советских историков, посвященных народничеству, в которых косвенно затрагивалась и проблема терроризма, у исследователя может возникнуть впечатление, что эта тема изучена достаточно. Но это далеко не так. Советские историки, проводя трудоемкую эвристическую работу, больше занимались вопросами устройства, структуры революционных организаций 1870–1880-х гг., отдельных пунктов их политических программ, целей и намерений, в этих программах заложенных. Была в целом реконструирована история развития этих революционных организаций.

Выявив крупную источниковую базу, советские исследователи революционного народничества не успели непосредственно сосредоточиться на теме революционного терроризма, тем более его идейно-психологических основ. В современной российской исторической науке присутствуют монографии, посвященные идеологии и психологическим аспектам революционного терроризма 1870–1880-х гг. [1, 2], но таких фундаментальных научных работ единицы, поэтому темы мотивации, идеологических основ, восприятия терроризма обществом в России при Александре II по-прежнему находят недостаточное освещение.

При обращении к этим проблемам источниковой базой в основном служат документы личного происхождения, делопроизводственные материалы, периодика. Особое значение в этом ряду имеют документы органов следствия и суда. Интересны они тем, что отражают точки зрения на ситуацию как охранителей, так и самих революционеров, а также показывают реакцию государства на революционный терроризм, революционное движение в общем.

Кроме того, порой в материалах следствия, вещественных доказательствах можно отыскать сохранившиеся в единственном экземпляре варианты программ революционных организаций и кружков, записки революционеров и т.п. В советской и российской исторической науке рассматривались основные следственные дела и процессы над революционерами, такие как процессы 193-х, 50-ти, процессы первомайцев и остальных народовольцев, принимавших участие в покушениях на Александра II. Большой

вклад в изучение судебных процессов над народниками внес Н.А. Троицкий, подробно исследовавший большинство этих процессов [3–6].

На данный момент остаются малоизученными некоторые судебные процессы, которые нельзя назвать громкими, по сравнению с процессом тех же первомайцев, но данные из материалов этих процессов, несомненно, являются важными в свете темы революционного терроризма сразу в нескольких аспектах. Один из таких комплексов документов – дело И. Родионова и И. Розовского.

18 декабря 1879 г. на станции Ольшанки Киево-Брестской железной дороги за расклеивание двух прокламаций революционной организации «Народная воля», посвященных покушению на императора 19 ноября 1879 г., был задержан некий юноша. Как сообщается в жандармском рапорте, при установлении личности им оказался семнадцатилетний солдатский сын Иван Васильевич Родионов [7. Л. 5].

Юный Родионов на первом же допросе показал, что листовки нашел в публичной библиотеке в газете «Молва» и расклеил их потому, что хотел отделаться от этих бумаг [8. С. 6]. Затем, на другом допросе, на который он вызвался сам, Родионов сообщил, что, приехав в Киев, он отправился ночевать к знакомому студенту Розовскому, которого на квартире не застал. Вместе с И. Родионовым квартире Розовского ночевал некий неизвестный ему господин, ушедший утром с квартиры прихватив из-под подушки револьвер [Там же]. Явившийся на квартиру Розовский сказал Родионову, что ночевавший с ним известный радикал Сергей и передал Родионову две упомянутые прокламации [Там же].

Вскоре жандармы явились на квартиру к Иосифу Исааковичу Розовскому, 19 лет, студенту 1-го курса физико-математического факультета Киевского университета. В донесении жандармского офицера сообщалось, что при обыске в квартире было обнаружено следующее: два бланка о явке к исполнению воинской повинности, бланк об увольнении из университета, сундук, в котором обнаружены: четыре литографированных полулиста с программой южного Исполнительного комитета, запрещенное стихотворение Н.А. Некрасова «Пир на весь мир», коробка с 25 патронами для револьвера, записная книжка [7. Л. 5 об.–6].

Иосиф Розовский на следствии заявил, что в революционной организации не состоит, прокламаций

никому не передавал, сундук, а значит программа и патроны, ему не принадлежат [8. С. 6]. Впоследствии Розовский хоть и признал, что сундук принадлежит ему, но стоял на том, что передал его лицу, которое называть он не хочет, а вещи, обнаруженные в сундуке, ему не принадлежат [8. С. 6]. На очной ставке И. Родионов не признал в И. Розовском того человека, который передал ему прокламации [7. Л. 10]. Но после этого он свои показания изменил и заявил, что не хотел оговаривать Розовского в его присутствии. После, уже на процессе, Родионов вновь отказался от своих показаний. Общие знакомые И. Родионова и И. Розовского не дали никаких удостоверений в том, что Родионов бывал в квартире Розовского и вообще с ним знаком [Там же. Л. 10 об.].

К моменту окончания процесса, в феврале 1880 г., Родионову исполнилось 18 лет, Розовскому, соответственно, 20 лет. Оба являлись несовершеннолетними, согласно действующему законодательству, и не могли быть приговорены к слишком суровому наказанию [9. Т. 15. С. 21–22; 33–35].

Кроме этого, обращает на себя внимание отсутствие какой-либо серьезной и основательной доказательной базы обвинения. Факт расклеивания листовок И. Родионовым был неоспорим, но то, что их передал ему И. Розовский, следствие доказать не сумело, принадлежность студенту патронов и программы революционной организации тоже оставалась спорной. Последнее даже не ставилось в вину Розовскому, его обвиняли в принадлежности к «революционной партии» [7. Л. 11–14; 8. С. 6].

Свидетельских показаний, уличающих Розовского, не было. Но суд приговорил И. Розовского и И. Родионова к смертной казни, признав их виновными в принадлежности к революционной организации. Приговор шокировал общество. Генерал-адъютант П.С. Ванновский, временно исполнявший обязанности киевского генерал-губернатора и командующего Киевским военным округом, заменил смертную казнь для Родионова на шесть лет каторжных работ с последующим вечным поселением в Сибири. Приговор в отношении И. Розовского изменен не был. Розовского повесили 5 марта 1880 г. Безрадостно сложилась и судьба И. Родионова. По окончании назначенных ему каторжных работ у него обнаружили признаки сумасшествия [7. Л. 28]. После выздоровления им было подано прошение о помиловании и отправке его домой на поруки отцу [Там же. Л. 30]. Два года (!) жандармские бюрократы и чиновники министерства юстиции пересылали друг другу записки и рапорты, решая, подавать или нет прошение Родионова Александру III [Там же. Л. 28–31]. В конце концов вопрос был решен в пользу заключенного и он, сломленный каторгой и ссылкой, переживший время умопомешательства, был отправлен к отцу.

Приговор И. Родионову и И. Розовскому откровенно противоречил действующему законодательству, т.е., по сути, был незаконен. Согласно Уложению об уголовных и исправительных наказаниях обоим подсудимым как несовершеннолетним наказание должно было быть снижено на одну или две степени, тем более учитывая, что ранее они не привлекались к ответ-

ственности по политическим преступлениям [9. Т. 15. С. 33–35]. По Воинскому уставу о наказаниях (оба были судимы военным судом в условиях военного положения) точно так же, как и по гражданскому Уложению об уголовных и исправительных наказаниях, Родионова и Розовского, не достигших на момент окончания процесса 21 года, никак не могли приговорить к смертной казни [10. С. 28]. При этом необходимо учитывать потаенную для властей часть этого дела. У Розовского ночевал другой революционер, А.М. Диковский (тот самый «Сергей»), патроны и программа принадлежали ему [11. С. 263]. И. Розовский, естественно, отказался признавать эти вещи своими, но и выдавать владельца не стал. У революционеров, знавших об этой стороне дела, несправедливость и жестокость приговора Розовского вызывала только гнев и возмущение. С.М. Степняк-Кравчинский справедливо отмечал, что «в обычное время его [И. Розовского] выслали бы в Сибирь в административном порядке, то есть без суда». «Возможно даже, что он, как несовершеннолетний... отделался бы ссылкой в одну из северных губерний. Но пятого числа того месяца произошел взрыв в Зимнем дворце... Надо было дать устрашающий урок, и юноша заплатил своей жизнью за деяния других» [12. С. 126]. Даже представители революционного подполья прекрасно понимали, что данный приговор был своеобразным ответом властей на взрыв 5 февраля 1880 г., устрашением, уроком революционерам на будущее, ради чего нарушались установленные самой же царской администрацией законы.

Само дело И. Родионова и И. Розовского исследовано недостаточно. В основном на него ссылались как на факт незаконных действий царизма, жестокости в отношении к революционерам. Процесс был коротко проанализирован Н.А. Троицким в нескольких трудах [3. С. 195; 197; 4. С. 89–90]. В них он ссылался на документы из ЦГИА СССР и только на приговор суда [4. С. 89]. Сами материалы дела, находящиеся сейчас в фондах РГИА (а следовательно, само дело Родионова и Розовского), достаточно ценны, поэтому необходимо уделить им большее внимание. Можно сказать, что благодаря материалам этого процесса до нас дошла программа революционеров-«южан». Примечательна она тем, что именно на территории малороссийских и новороссийских губерний впервые стали применяться террористические методы революционной борьбы и начало формироваться теоретическое обоснование этих методов. В конце этой программы содержалось пять тезисов, второй по счету говорил о необходимости «дискредитировать правительство в глазах народа всеми зависящими от нас средствами: террором, демонстрациями бунтами» [7. Л. 5 об. – 6]. Как видно из этой части программы, революционеры Юга намного раньше, чем революционеры-«северяне», центром которых был Петербург, стали приходить к осознанию главной действующей силы терроризма – возможности дискредитировать политическую власть, продемонстрировав ее бессилие в борьбе с ними, а значит, подорвать, таким образом, ее авторитет. Эта информация, несомненно, очень полезна при реконструкции процесса складывания идеологии революционного терроризма в России в 1870–1880-х гг.

Два других аспекта дела Родионова и Розовского тесно взаимосвязаны. С одной стороны, видно, насколько самодержавие было встревожено и даже испугано революционным движением и непосредственно терроризмом. Но при этом оно пыталось разрешить ситуацию при помощи старых средств, которые стали принимать все более неадекватный характер, т.е. ответ властей, наказания большинству участников революционного движения оказывались несоизмеримы совершенным им правонарушениям даже в рамках действующего законодательства. Это лишний раз подтверждает существование серьезного политического кризиса в России на рубеже 1870–1880-х гг. С другой стороны, подобные неадекватные меры правительства предсказуемо формировали мотив мести у революционеров, подталкивали их ко все более решительным мерам и усилению своей борьбы с самодержавием.

То, какое возмущение у революционеров и различных представителей общественности, деятелей культуры вызвал этот процесс и казнь Розовского, можно проследить по их воспоминаниям, дневникам, письмам. М.Ф. Фроленко, вспоминая о происшедшем тогда на Юге, писал, что «наступает нечто неопишное». «Высылают, казнят, арестуют – и кого? Людей, часто виновных лишь в том, что у них переночевал нелегальный человек и оставил пачку прокламаций. Так был казнен Розовский в Киеве, отказавшийся сказать, кто это у него ночевал и оставил пакет» [13. С. 69]. Л.Н. Толстой в письме к Н.Н. Ге писал, что рассказ о деле Розовского и Родионова, составленный другим политзаключенным Кандыбой и

присланный художником ему, «произвел страшное впечатление» [14. Т. 90. С. 308]. «Как же после этого не быть 1-му марта?» – вопрошал известный писатель [Там же]. Впечатление было настолько велико, что Л.Н. Толстой поместил этот рассказ, от лица одного из героев, в свой последний роман «Воскресение».

Материалы дела И. Родионова и И. Розовского ценны тем, что представляют разноплановый комплекс информации по ряду актуальных вопросов изучения истории революционного терроризма в России 1870–1880-х гг. Благодаря этой информации можно сделать вывод, что некоторые революционеры Юга прекрасно осознавали провокационную и дискредитационную силу индивидуального терроризма против самодержавной власти. В этом случае перед исследователем предстает часть общего процесса эволюции идейных основ революционного терроризма в России. Материалы дела Родионова и Розовского показывают, как терроризм воспринимался политической и административной элитой страны. Самодержавие было так встревожено возможными последствиями терроризма, что в качестве устрашения, в нарушение действующего законодательства, выносило смертные приговоры тем, чья вина заключалась в расклеивании листовок или в хранении запрещенной литературы, и то не доказанная на суде. Данное небольшое, но значимое в контексте политической ситуации России начала 1880-х гг. дело среди прочего прекрасно иллюстрирует то, что в указанный период в стране установилась напряженная, критическая ситуация.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000.
2. Сафронова Ю. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879–1881 годы. М., 2014.
3. Троицкий Н.А. Безумство храбрых: русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882 гг. М., 1978.
4. Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом (1880–1894). Саратов, 1983.
5. Троицкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866–1895 гг. М., 1979.
6. Троицкий Н.А. Царские суды против революционной России (Политические процессы 1871–1880 гг.). Саратов, 1976.
7. РГИА. Ф. 1405. Оп. 77. Д. 7974.
8. Судебная хроника // Киевские губернские ведомости. 1880. 4 марта. С. 5–6.
9. Уложение о Наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 15. С. 1–602.
10. Воинский устав о наказаниях. СПб., 1868.
11. Попов М.Р. Записки землепользователя. М., 1933.
12. Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей. Москва ; Берлин, 2015.
13. «Народная воля» и «Черный передел»: воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1878–1882 гг. Л., 1989.
14. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. М., 1958. Т. 90.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 июня 2017 г.

THE 1879–1880 CASE OF I. RODIONOV AND I. ROZOVSKY IN THE LIGHT OF THE STUDY OF REVOLUTIONARY TERRORISM IN RUSSIA IN THE 1870S–1880S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 116–119.

DOI: 10.17223/15617793/423/15

Denis A. Morozov, School No 31 (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: dr.oprichnik@yandex.ru; dr.oprichnik@gmail.com

Keywords: revolutionary movement; populism; revolutionary terrorism; trials of revolutionaries; *Narodnaya volya*; I.I. Rozovsky; I.V. Rodionov.

The article considers I.I. Rozovsky and I.V. Rodionov's case in the light of studying revolutionary terrorism in Russia in the 1870s–1880s. Addressing the issues of motivation, ideological bases, perceptions of terrorism by society in Russia during Alexander II's reign the main historical sources are generally personal documents, office materials and the press. Court and investigation documents are of special value. They are interesting as they reflect the way both guardians and revolutionaries perceived the situation. Moreover, they show the reaction of the state to revolutionary terrorism. Currently some lawsuits (perhaps not so famous) are still poorly studied, though these materials could undoubtedly be important from the point of view of studying revolutionary terrorism in a number of aspects. Such aspects become known while studying the case of I.I. Rozovsky and I.V. Rodionov in detail. In December

1879 I.V. Rodionov was detained at one of railway stations, sticking the leaflets of the revolutionary organization “Narodnaya volya” devoted to an attempt on Alexander II’s life on November 19, 1879. I.V. Rodionov told gendarmes that he had received the leaflets from I.I. Rozovsky, a student of Kiev University. Soon I.I. Rozovsky was arrested. The search in Rozovsky’s apartment revealed the program of the Southern Executive Committee, a box with 25 cartridges for the revolver. The investigation could not prove otherwise, as well as it could not prove I.I. Rozovsky’s and I.V. Rodionov’s membership in the revolutionary organization. Still the martial court sentenced I.I. Rozovsky and I.V. Rodionov to capital punishment having found them guilty of belonging to the revolutionary organization. The capital punishment for Rodionov was replaced by six years of hard labor with the subsequent lifelong settlement in Siberia. The sentence of I.I. Rozovsky was not changed. The sentences of I.V. Rodionov and I.I. Rozovsky obviously contradicted the current legislation. The article points out that the materials of I.I. Rozovsky and I.V. Rodionov’s case show the program of revolutionaries of Little Russia and Novorossiysk Provinces – members of the so-called Executive Committee. Information obtained from this program is undoubtedly useful for reconstructing the formation of the ideology of revolutionary terrorism in Russia in the 1870s–1880s. In addition, the article demonstrates the way the political and administrative elite of imperial Russia perceived terrorism. The article concludes that this minor, but significant case in the context of the political situation in Russia at the beginning of the 1880s among other things perfectly illustrates that during the specified period the situation in the country was rather tense and critical.

REFERENCES

1. Budnitskiy, O.V. (2000) *Terrorizm v rossiyskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologiya, etika, psikhologiya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Terrorism in the Russian liberation movement: ideology, ethics, psychology (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Moscow: “Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya” (ROSSPEN).
2. Safronova, Yu. (2014) *Russkoe obshchestvo v zerkale revolyutsionnogo terrora. 1879–1881 gody* [Russian society in the mirror of revolutionary terror. 1879–1881]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
3. Troitskiy, N.A. (1978) *Bezumstvo khrabrykh: russkie revolyutsionery i karatel'naya politika tsarizma 1866–1882 gg.* [Madness of the brave: the Russian revolutionaries and the punitive policy of tsarism in 1866–1882]. Moscow: Mysl'.
4. Troitskiy, N.A. (1983) “Narodnaya volya” *pered tsarskim sudom (1880–1894)* [“Narodnaya Volya” before the tsar’s court (1880–1894)]. Saratov: Saratov State University.
5. Troitskiy, N.A. (1979) *Tsarizm pod sudom progressivnoy obshchestvennosti. 1866–1895 gg.* [Tsarism under the court of the progressive public. 1866–1895]. Moscow: Mysl'.
6. Troitskiy, N.A. (1976) *Tsarskie sudy protiv revolyutsionnoy Rossii (Politicheskie protsessy 1871–1880 gg.)* [Tsarist courts against revolutionary Russia (Political processes of 1871–1880)]. Saratov: Saratov State University.
7. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1405. List 77. File 7974. (In Russian).
8. Kievskie gubernskie vedomosti. (1880) *Sudebnaya khronika* [Court Chronicle]. *Kievskie gubernskie vedomosti*. 4 March. pp. 5–6.
9. Russian Empire. (1857) *Ulozhenie o Nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh* [The Code of Criminal and Correctional Penalties]. In: *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. 15. St. Petersburg: Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii.
10. Russian Empire. (1868) *Voinskiy ustav o nakazaniyakh* [Military regulations on punishments]. St. Petersburg: Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii.
11. Popov, M.R. (1933) *Zapiski zemlevol'tsa* [Notes of a Land and Liberty member]. Moscow: Izdatel'stvo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'noposelentsev.
12. Stepnyak-Kravchinskiy, S.M. (2015) *Rossiya pod vlast'yu tsarey* [Russia under the rule of tsars]. Moscow; Berlin: Direkt-Media.
13. Volk, S.S. (ed.) (1989) “Narodnaya volya” i “Chernyy peredel”: *vospominaniya uchastnikov revolyutsionnogo dvizheniya v Peterburge v 1878–1882 gg.* [People’s Will and Black Partition: memories of participants in the revolutionary movement in St. Petersburg in 1878–1882]. Leningrad: Lenizdat.
14. Tolstoy, L.N. (1958) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. Vol. 90. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.

Received: 28 June 2017